

Полифункциональность языковой единицы *na* в языке северных селькупов¹

Научное изучение селькупского языка имеет почти 150-летнюю историю. За это время не только стало иным функционирование ряда языковых единиц, но изменилась и интерпретация многих лингвистических явлений и единиц, сохранившихся на протяжении данного периода. К числу изменившихся трактовок следует отнести, например, оценку лингвистами частиц в селькупском языке. М. А. Кастрен в раздел "Частицы" включал даже наречия, союзы, послелоги и междометия. У Г. Н. Прокофьева под частицами понимаются собственно частицы, союзы и наречия. В настоящее время частицы выделяются в самостоятельную служебную часть речи, хотя между ними и некоторыми другими частями речи трудно провести четкие границы, так как в них обнаруживаются категориальные и/или синтаксические признаки разных частей речи. К числу именно таких амбивалентных единиц относится и *na* в селькупском языке.

Слово *na* является одним из наиболее частотных слов северного (тазовско-туруханского) диалекта селькупского языка. Оно имеет ранг № 2 по баишенскому корпусу текстов, собранных в 40-е гг. Л. А. Варковицкой (объем 29 881 словоупотреблении); по тазовскому корпусу 20–30-х гг. Г. Н. Прокофьева (объем 9011 словоупотреблений), как и по тазовскому корпусу, записанному в 70-е гг. участниками экспедиций МГУ (объем 10 201 словоупотребление), у него ранг № 1. Однако данная языковая единица при лемматизации текстов в силу своей полифункциональности, выступая в функциях различных частей речи, получает иные ранговые номера: так, по тазовскому корпусу 70-х гг. лексема *na* как частица имеет ранг № 3, а в функции указательного местоимения-прилагательного – ранг № 19 (на самом деле, лемматизация должна быть продолжена). Наоборот, в корпусе Варковицкой более, чем в два раза, преобладает *na* в качестве местоименного слова по сравнению с *na* частицей. На примере языковой единицы *na* легко проследить размытость границ между различными частями речи. Кроме того, в рамках некоторых частей речи активно происходят процессы лексикализации отдельных грамматических форм и наблюдаются процессы грамматикализации.

В качестве указательного местоимения, в разряд которых обычно относят данное слово, *na* встречается в селькупских текстах перед одушевленными и неодушевленными существительными, причем никогда не стоит в абсолютном начале связного текста. Так, на 85 сказок, записанных Варковицкой на Баихе, приходится 51 сказка, начинающаяся с существительных, перед которыми никогда не встречается

¹Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда.

местоимения, или (чрезвычайно редко) с наречий. 20 сказок начинается с числительного *ukkyr* 'один', 12 – с числительных 2, 3, 30 или со слова *kossyk* 'много', две сказки – с оборота *ukkyr p̄r*, *ukkyr contōqyt*. Аналогичная картина наблюдается и в тазовских текстах 70-х гг., где из 28 сказок 16 начинается с имени собственного или с существительного без какого-либо дейктического элемента, три – с числительного *ukkyr* и с оборота *ukkyr p̄r*, пять – с глагола и четыре – с указания на место или цель действия. В середине сказки существительные, впервые вводимые в текст, также никогда не употребляется с *na*, напр. *Ica üntyñnyty: qumyt imaññōtyt ukkyr qāl-iranyk. Na qāl-ira niļcyk tomnyty...* – 'Ича услышал: люди сватаются к одному (некому) ненцу. Этот (уже упомянутый, известный) ненец так сказал...' Данный факт позволяет предположить, что *na* выполняет функцию определенного артикля, появляющегося лишь при повторных употреблениях существительного, в отличие от *ukkyr*, соответствующего неопределенному артиклю, часто употребляемому в абсолютном начале текста (впрочем, неопределенность может специально не отмечаться). В пользу решения того, что *na* в сочетаниях с существительными обычно равноэквивалентно по своей функции артиклю, говорит и употребление *na* в цепочке из нескольких слов, где *na* никогда не стоит рядом с определяемым существительным: *Mat ütyl' putylkap mintap tāntynyk. Tat na ütyl' putylkantysä cari tiš qaltät.* – 'Я водяную бутылку (т. е. некую бутылку с водой) дам тебе. Ты (уже упомянутой) водяной бутылкой = твоей в морду (лошади – А. К.) брызни!' (из архива Варковицкой). Здесь и далее сохраняется фонетическая транскрипция источника с заменой по техническим причинам нескольких знаков). Интересно отметить, что слово *lōsy* 'черт' никогда не имеет при себе *na*. Исключением (едва ли не единственным) во всех проанализированных текстах является сочетание *na lōsy* в сказке, записанной в 70-е гг., где Ичу принимают за черта (но это не черт): *Ašša qənnanty, to muntyk šimyn amta na lōsy* – 'Не пойдешь (замуж – А. К.), то всех нас съест этот черт' (стоящий в дверях – А. К.). В данной фразе *na* выполняет не функцию артикля, а собственно дейктическую функцию неанафорического местоимения-прилагательного, имея значение 'этот, близкий'. Эти функции легко спутать. Как и в функции артикля, *na* – дейксис не склоняется: *Nunu na qorānty tūja* – 'Потом к этой (функция не ясна даже из контекста) яме (иллатив ед. ч.) пришел'; *Tat na qumyp qoisä qəssal?* – 'Ты этого человека (аккузатив ед. ч.) чем убил?'; *Tat na qumytyt kinik niļcyk kətāty* – 'Ты этим людям (датив-аллатив мн. ч.) так сказки' и т. п. (архив Варковицкой).

Неанафорическое *na*, означающее 'этот, находящийся вблизи' и совпадающее в этом значении с указательным местоимением-прилагательным *tam*, по степени удаленности противостоит неанафорическому же указательному местоимению *to* встречается местоимение *toł: tōnna*, зафиксированные в 70-е гг. в тазовском диалекте. В записях Варковицкой можно обнаружить единичные примеры с местоимением *to*, которое всегда воспринималось Варковицкой как самостоятельное слово и писалось отдельно от следующего за ним *na*, выступавшего в таких ситуациях как определенный артикль, относящийся к стоящему за ним существительному. Напр.: *To na ija panyšqynty mennympa* – 'Тот (уже ранее упомянутый) мальчик на косички смотрит'; *To na šitty qumoqı na imar niļcyk soqynñōtyt* – 'Те (уже упомянутые) два человека эту женщину так спросили'. В последнем примере мы видим четкое противопоставление форм *to* и *na* (те люди и эта женщина), что и позволяет в подобных случаях считать *na* перед существительным *ima* не артиклем, а указатель-

ным местоимением и переводить его местоимением *этом*, в то время как в функции артикля перевода не давать. В современном селькупском языке обычно употребляется форма *tōtta* (реже *tona*), воспринимаемая как одно слово (так же, как и *tīnana*, которое можно разложить на *tīna* + *na*: *Aj tīnana il'camy na tīinty* – 'Опять дед (ранее упомянутый) пришел'. (Материалы 70-х гг.) В этом случае можно говорить о прошедшей грамматикализации *na*, превратившегося в формант и утратившего свое первоначальное значение.

Функционируя в качестве неанафорического указательного местоимения-прилагательного (хотя и относительно редкого в настоящее время), *na* определяет и одушевленные, и неодушевленные существительные. Подавляющее большинство примеров такого рода приходится на сочетание *na* с одушевленными существительными. Неодушевленные существительные, в сочетании с которыми встречается *na*, могут быть объединены в три больших лексико-семантических поля – предметы (основная масса примеров), географические названия-апеллятивы и немногочисленные слова абстрактного характера. Изредка местоимение *na* употребляет с именами собственными: *Nyny na Kakšap qəntōtyt* – 'Потом этого Каксу увезли' (материалы Варковицкой). Ср. пример из русского языка: *Вон идет Иван. Мне говорили про этого Ивана...* В этом случае намечается десемантизация местоимения *na*, которое фактически перестает выполнять функцию слова-заместителя. Такая же тенденция к десемантизации и при сочетании местоимения *na* с личными местоимениями. Так, *na* может стоять перед местоимением *šinty*: *Natqo na šinty orqyltōtyt* – 'Поэтому тебя (известного другим) схватили'.

Иногда *na* субстантивируется. Тогда его можно считать местоимением-существительным. В этой своей функции *na* может склоняться, изменяясь по падежам и числам, и выполнять синтаксические функции подлежащего и дополнения. У *na*-существительного появляется парадигма (возможно, судя по зафиксированным примерам, дефектная). Падежные значения могут передаваться как падежными показателями, так и с помощью послелогов: *Qonnyr qənnuty. Nyny nat porqyp to mišalōqylä tokkaltōleity* – 'Кета убил. Потом у него (букв. у этого, т. е. кета) парку отобрав, надел'. Субстантивированное *na* встречается и с послелогами: *Nətenka nat inty ōmtylä to putalka* – 'Нэтенка на это (бересту – А. К.) усевшись, переплыла' (материалы Варковицкой). Субстантивированное местоимение, как правило, употребляется в форме или именительного, или родительного падежа, хотя возможны и другие падежные формы, напр., каритив *nakōlyk* 'без этого'. Отдельные падежные формы *na* (координатив, локатив, транслатив) лексикализуются, отрываясь от своей парадигмы, и, как правило, адвербиализуются или превращаются в союз – *naššak* '(на)столько', *natqyn* 'тем временем', *natqo* 'по(этому)': *Natqo šintyt kərap* – 'Потому вас зову' (материалы Прокофьева); *Mat naššak orsä tuqyllēsak, olä quršympa* – 'Я настолько сильно гребанул, только забурлило' (материалы 70-х гг.). Правда, чаще субстантивация *na* происходит путем словообразования: к *na* присоединяется местоимение *ny*, образуя местоименное существительное *namny* или *namy* 'это'. *Mu* при этом грамматикализуется, превращаясь в формант; возникает иная парадигма местоимения-существительного, чем у неопределенного местоимения *ny*.

Десемантизация переводит данное слово в разряд служебных слов. Среди них можно выделить *na* артикль, о чем уже шла речь, и *na* частицу. Примечательно, что употребление *na* в функции артикля в 70-е гг.

быстро сходит на нет. Слово *na* в функции частицы неоднозначно: оно обладает усилительно-выделительным значением, а также передает значение сомнения, неуверенности, сближаясь с модальными словами. Так, предложение *Lōsy na tiinta* Варковицкая перевела 'Черт придет'. На самом деле, *na* может быть переведено двояко: 'Черт ведь (же) (а не кто-то еще) придет' (перевод маловероятен) или 'Черт вот придет'. Во втором варианте перевода мы имеем дело с почти выветрившейся семантикой слова, с так называемым пустым словом, словом-паразитом. Частица в этом случае выражает модальное отношение в предложении, передает значение неуверенности.

Как уже отмечалось, в текстах Л. А. Варковицкой преобладает *na* в функции артикля и местоимения по сравнению с *na* в функции частицы. Наоборот, в записях 70-х гг. более частотным оказывается *na* частица. Если *na* в функции определенности и указательности относится к существительному, то *na*, функционирующее как частица, относится обычно к глаголу: *Qata synjnpak, na ippak* – 'Если засвищу, (вот) лежу' (материалы Варковицкой); *Aj na qəpra* – 'Опять вот пошел' (материалы 70-х гг.). Здесь оба глагола стоят в индикативе. С другой стороны, частица *na* может относиться к латентиву: *Kuntyk na ilymmyntšyt* – 'Долго вот (значение неуверенности) жили'; *Səpylaŋ na amyrpyntšyt, səpylaŋ na štnymmyntšyt qəlyn* – 'Достаточно (вот)покушали, достаточно (вот) посидели ненцы' (материалы 70-х гг.). Но одновременно возможен глагол в латентиве и без *na*: *Šitty pōty qənty* – 'Два года прошло'. Такие примеры (без *na*) преобладают. Глагол в латентиве передает действие, которое для участников коммуникации не является очевидным, увиденным воочию. Это действие, известное с чужих слов, неожиданное и потому вызывающее удивление или сомнение в правдоподобности его совершения. Данное наклонение иногда называется неочевидным (Терещенко). Оно могло передаваться аудитивом, редким уже в 40-е гг. Естественно, что употребление частицы *na*, означающей усиление, выделение, в препозиции к глаголу в латентиве вряд ли может быть маркером глагола, так как усилительное значение частицы, граничащее со значением уверенности, вступает в явное противоречие со значением латентива – предположительного наклонения. Однако в связи с растущим семантическим выветриванием частицы *na* не исключено появление оттенка некоторого колебания, сомнения в указанной функции частицы, благодаря чему и происходит увеличивающаяся корреляция в употреблении частицы *na* 'вот' и глагола в латентиве.

Рассмотрение дистрибуции слова *na* показывает, насколько трудным и условным является распределение слов по частям речи прежде всего потому, что слова могут быть полифункциональны. Функции по своей значимости обычно бывают неравноценны, в связи с чем их можно подразделить на первичные и вторичные. Благодаря неличию у слова разных функций слово оказывается связанным с разными частями речи, между которыми существует непрерывная шкала переходности и крайние точки которой часто объявляются на синхронном уровне омонимами. Именно такая картина и предстает перед нами при анализе языковой единицы *na* в языке северных селькупов на протяжении последних 50 лет, когда *na* функционировало и как артикль, и как местоимение, и как частица с разными значениями, и как существительное, причем достаточно четко заметна смена первичных функций – от основной функции артикля и дейксиса в I половине XX в. к преобладанию в качестве основной функции – функции частицы.